

**Муниципальное дошкольное образовательное учреждение
детский сад № 48 г. Амурска
Амурского муниципального района
Хабаровского края**

**СБОРНИК
МОЛДАВСКИХ СКАЗОК**

Волшебный колокольчик

Давным-давно жил бедный мальчик, и не было у него никого в целом свете. Поднялся он в горы и стал овечьим пастухом.

Одним только сокровищем он владел - волшебным колокольчиком. Стоило зазвонить в него - и стадо послушно шло, куда приказывал мальчик. По вечерам он прятал колокольчик в дупло дерева, чтобы волки, привлеченные чудным звоном, не напали на овец.

Однажды разразилась гроза. Пастушок привел отару в загон, повесил колокольчик на ветку и лег спать. Когда он проснулся, то увидел, что дерево выросло до самых небес и снять колокольчик никак нельзя.

- Дерево, наклонись! Я сниму колокольчик. Пора уводить овец на пастбище.

- Нет, - отвечает дерево, - не хочу.

Пришел мальчик к топору;- Иди, топор, сруби дерево, оно не хочет отдать мне колокольчик.

- Не пойду, - говорит топор. Пошел мальчик к ржавчине:

- Иди, ржавчина, затупи топор, он не хочет срубить дерево, а дерево не отдает мне мой колокольчик.

- Неохота, - говорит ржавчина. Рассердился пастушок, пошел к огню:

- Иди; огонь, спали ржавчину, она не хочет затупить топор, а топор не хочет рубить дерево, а дерево не отдает колокольчика, - Лень мне идти, братец.

Пошел мальчик к воде:

- Беги, вода, погаси огонь, он не хочет опалить ржавчину, ржавчина не хочет затупить топор, топор не хочет рубить дерево, а дерево не отдает мне мой колокольчик.

- Не стану, - говорит вода. Пошел мальчик к волу:

- Ступай, вол, выпей воду, она не хочет погасить огонь, огонь не хочет опалить ржавчину, ржавчина не хочет затупить топор, топор не хочет рубить дерево, а дерево не отдает колокольчик.

- Не пойду, - говорит вол, - я уж напился. Мальчик обиделся, пошел к волку:

- Идем, волк, зарежь вола, он не хочет выпить воду, вода не хочет гасить огонь, огонь не хочет жечь ржавчину, ржавчина не хочет тупить топор, топор не хочет рубить дерево, а дерево не отдает мне мой колокольчик.

- Нет, - говорит волк, - не хочу я связываться с волком. Пошел пастушок к охотнику.

- Иди, охотник, застрели волка, он не хочет зарезать вола, вол не хочет выпить воду, вода не хочет погасить огонь, огонь не хочет спалить ржавчину, ржавчина не хочет затупить топор, топор не хочет срубить дерево, а дерево не отдает колокольчик.

- Нет, - говорит охотник, - я сегодня не пойду на охоту. Пошел мальчик к мышке:

- Мышка, мышка, иди отгрызи ремень с охотничьего ружья, охотник не хочет застрелить волка, волк не хочет зарезать вола, вол не хочет выпить воду, вода не хочет погасить огонь, огонь не хочет опалить ржавчину, ржавчина не хочет затупить топор, топор не хочет срубить дерево, а дерево не отдает мне мой колокольчик.

Мышка говорит:

- Не пойду, я не голодна.

Пошел мальчик, поклонился кошке:

- Иди, кисонька, съешь мышку, она не хочет отгрызть ремень с охотничьего ружья, охотник не хочет застрелить волка, волк не хочет зарезать вола, вол не монет выпить воду, вода не хочет погасить огонь, огонь не хочет спалить ржавчину, ржавчина не хочет затупить топор, топор не хочет срубить дерево, а дерево не отдает колокольчик. Кошка говорит:

- Нет, не пойду, сыта по горло мышами. Что делать пастушку? Пошел к собаке.

- Иди, Гривко, укуси кошку, она не хочет съесть мышку, мышка не хочет отгрызть ремень с охотничьего ружья, охотник не хочет застрелить волка, волк не хочет зарезать вола, вол не хочет выпить воду, вода не хочет погасить огонь, огонь не хочет спалить ржавчину, ржавчина не хочет затупить топор, топор не хочет срубить дерево, а дерево не отдает мне мой волшебный колокольчик. Солнце уже высоко, а мои овцы хотят пить и есть. Сжалилась собака, видит, что мальчик устал и никто ему не хочет помочь, встряхнулась, подпрыгнула да как бросится за кошкой! Кошка испугалась, кинулась на мышку, мышка только пискнула и начала грызть ремень охотничьего ружья, охотник подхватил ружье и прицелился в волка, волк поневоле помчался за волком, вол замычал и стал пить воду из реки, аж берега ходуном заходили. Вышла вода из берегов, выплеснулась на огонь, огонь накинута на ржавчину, ржавчина как пошла по топору, топор вскочил и стал рубить дерево, дерево наклонилось, мальчик схватил свой колокольчик и побежал пасти овец.

С тех пор собаки привыкли жить на пастбищах и стали верными друзьями пастухов.

Конь и медведь

Жил-был мельник, и держал он при мельнице коня. Столько поездил мельник на нем, столько поклажи перевез, что остались от бедной скотины лишь кожа да кости. Увидел мельник, что не годится уж конь для работы, подвязал ему поводья к шее и отпустил - иди, мол, куда глаза глядят. Побрел конь по дороге и добрался до леса. Тут нашел он травку сочную, прохладу лесную, воду прозрачную, ключевую, и так все пасся, отдыхал да сил набирался: залоснилась шерсть, округлились бока, не проглядывают уж ребра

сквозь кожу; хорошо, вольготно жилось коню, так что он по утрам да по вечерам даже резвиться начал, прыгать, на дыбы вздыматься, по траве зеленой кататься. Но вот однажды наступили и для него дни тяжелые, увязался за ним медведь и все норовит поймать да съесть. Заржал конь.

- Выкинь ты дурь эту из головы, медведь, а то как бы не пришлось тебе проклясть тот миг, когда мы встретились с тобой.

- Что ж, по-твоему, у меня зубы сточились, и не могу я с тебя шкуру содрать да мясо сожрать?

- Неужто ты такой сильный?

- А как же.

- Тогда давай потягаемся. Покажи-ка, чего ты стоишь, - сказал конь. Поглядел медведь окрест, увидел скалу поваленную, подошел к ней да как сжал в объятиях - в песок раскрошил и по ветру пустил.

- И это все? - спросил конь.- А я, как стукну копытом о камень, так не пыль, огонь высеку.

- Вижу, горазд ты хвастать,- рассердился медведь.

- А выйдем-ка на дорогу, сам увидишь.

Пошли они. Стал медведь на задние лапы, смотрит, а конь отошел подальше, а потом как разогнался - вихрем промчался, искры из камней высекая.

Медведь даже присел от удивления и страха.

- Ну, что ты скажешь?

- В самом деле, в тебе куда больше силы, чем во мне, - ответил медведь.

- Как же наказать тебя за то, что посмел зубы на меня скалить? Убить тебя и то мало!

- Не убивай меня, добрый конь. Какую хочешь службу тебе сослужу, только жизни меня не решай.

- Так вот, в наказание будешь водить меня на поводу, выискивать траву повкуснее, пока я не усну.

Медведь и не пикнул в ответ, боялся, как бы не поднял конь ногу да не протопал ему копытом аллилуя. Стал медведь коня пасти, пасет, пасет, а сам ждет - когда ж он, проклятый, заснет. Да не тут-то было! Изморился Мишка, зубами скрежещет, ругается на чем свет стоит, да все про себя, чтобы конь не услышал. Как-то раз набрался он духу и робко так говорит коню:

- Ваша конская милость, неплохо бы отдохнуть тебе. - А я и так слишком много отдыхаю.

- Когда же ты отдыхаешь, я ни разу не видел, чтоб ты прилег, глаза закрыл и хоть чуточку вздремнул,- Разве не знаешь ты, что конь одним ухом спит, другим слышит?

- Но когда же ты спишь?

- Да вот, тогда и сплю, когда не пасусь, а так стою, с ноги на ногу переминаюсь.

Намотал себе медведь на ус слова эти, да и начал он примечать, когда пасется конь, как воду пьет, когда на месте застывает. Вот однажды увидел Мишка, что конь стоит без движения, глаза в одну точку вперил да с ноги на

ногу переминается, и попробовал выпустить из лап поводья. Стоит конь, как ни в чем не бывало. Медведь сделал шаг назад, другой, весь дрожит, потом обливается. Конь ни с места. Тогда Мишка - ноги на плечи и ну улепетывать. Бежит он так во все лопатки, не разбирая дороги, а навстречу волк.

- Что ты бежишь так, куманек, точно от смерти спасаешься?
- От нее и бегу.
- Неужто?
- Ей-ей! Тут неподалеку конь спит.
- Конь?!
- Да.
- Ну и что ж. Чай, не его испугался.
- Вот именно его. Глядишь, проснется, да как лягнет, тут тебе и смерть.
- Ну и трус же ты и глуп, Мишка! Где конь-то?
- Погляди-ка туда, откуда я прибежал. - Не видно.
- Поднимись повыше.
- Ничего не видать.

Повернулся медведь, смотрит назад, на цыпочки поднимается, а ничего не видит. Конь-то за пригорком остался.

- Где же он? - не стерпел волк.
- Давай подниму я тебя, тогда увидишь.

Как обхватил он волка лапами своими могучими, чтоб поднять повыше, волк только пасть разинул, да так и дух испустил, не успев даже пикнуть. Но медведь и не почувствовал, как сжал его в своих лапах и смерть ему уготовил. А увидав, что волк сдох, вздохнул косолапый и молвит:

- Эх, бедняжка, ты только увидал коня, и то сдох, каково же мне, когда я его столько времени пас?

И, охваченный ужасом, пуще прежнего бросился медведь вновь наутек,-может, и поныне бежит без оглядки.

Легенда о ласточке

Жил-был когда-то чабан, и было у него три послушных, трудолюбивых дочери. Он пас овец, а дочки управлялись с делами по дому, и все шло так, как должно было идти. Да с некоторых пор стал чувствовать чабан, что старость гнетет его к земле, и в один прекрасный день так сказал он своим дочкам:

- Дорогие мои, стар я стал, нет у меня больше сил пасти отару.
- Ах, отец, не печалься, оставайся дома, отдохни, наберись сил, а отару будем мы пасти по очереди,- говорит старшая дочь.
- Согласился б я, дорогая, если б вы были парнями, вы же - девушки-домоседки, боюсь, только выйдете в поле - перепугаетесь чего-нибудь.
- Ох, батюшка,- возразила ему старшая дочь,- увидишь, как еще станем пасти, радоваться будешь - не нарадуешься.

- Помолчи, дочь, ибо с тех пор, как пасу овец, не видел еще чабана с платком на голове и в юбке.

- А мы оденемся в мужскую одежду: зипун, кушму, постолы. Никто нас и не узнает.

- Может, и так.

Недолго думая, надела старшая дочь зипун, обула постолы, на голову натянула кушму,- чем не парень! - обвязалась потом кушаком красным, как пламя, кушму же загнула эдак залихватски. Выпустила затем овец из загона, вывела отару за село и, наигрывая на флуере, направилась к небольшому холму. Старый отец ни придавал особого значения словам и смелости дочери, он просто хотел проверить, может ли надеяться в случае беды на нее. Прячась, чтоб не видели остальные дочери, вытащил он из-за балки медвежью шкуру, прокрался в кустарник, натянул на себя шкуру и явился к отаре,- мрр... мрр!,- кидается прямо на овец. Овечки же, едва увидели, что к ним приближается зверь, разбежались вмиг, глазами и то не поймать бы их. Чабан окаменел на месте от страха. Ноги задрожали, палку выронил из рук и, закричав от ужаса, повернул назад, домой, так что только пятки засверкали.

Горестно и досадно стало старику, как никогда. Придя домой, увидел он дочь свою, перепуганную насмерть и блед-»ную, как воск.

- Ох, беды мои, знал же я, что на вас надежды мало. Только и годитесь, что у плиты вертеться.

- Не огорчайся, отец,- говорит вторая дочь,- поведу теперь я овец на пастбище.

- Дочь дорогая, сидела б ты лучше дома, не хочется мне, чтоб и тебя так напугали звери, как твою сестру.

Да не мог ее отговорить. Девушка оделась в мужскую одежду и погнала овец туда, где трава была гуще.

Отец же не мог усидеть на месте. Хотел он убедиться, может ли быть уверенным в разуме и смелости средней дочери, если (не дай, господь!) случится с ней какая беда. И так же скрываясь, незаметно взял медвежью шкуру, на лесной поляне, к которой как раз приближалась дочь с отарой, надел на себя шкуру и - мрр! мрр!...- вышел к ним. Девушка, увидев такую громадину, что шла на нее, рыча и лязгая зубами, повернула овец назад и побежала что было мочи.

Старик же спрятал шкуру и бегом за дочерью. Во двор вошли они почти одновременно. А дома - плач, стенанья, бедный человек света белого не взвидел от такого переполоха. Собрав всех трех дочерей, принялся он их успокаивать и жаловаться на судьбу:

- Ох, мои беды, видно, нету счастья мне на свете: будь у меня сын, была бы сегодня помощь, а так что делать? Пропадут овцы, ухоженные мной, и после стольких лет тяжелого труда останусь я ни с чем.

Младшая дочь так близко к сердцу приняла сетованья отца, что решила помочь его беде во что бы то ни стало.

- Отец,- сказала она,- поведу и я овец на пастбище.

- Оставь, дочь моя, не было мне помощи от старших твоих сестер, а от тебя - тем более. Боюсь, перепугаешься так, что потом в себя не придешь.

- Не испугаюсь я ничего на свете.

- Так все вы говорите дома, под родительской крышей, а там, на поле, дрожите от страха.

Но отговорить никак не мог ее. Сколько ни урезонивал, все равно она сделала так, как сказала. Надела зипун, обула постолы, натянула кушму на голову и отправилась с овцами в лес.

Как вывела она отару во широко поле, одна овечка принялась блеять да суетиться, места себе не находит, будто заболела вертянкой.

- Что приключилось, миоара милая, не по душе тебе твой хозяин иль трава полевая?

- И трава мне нравится, и хозяин по душе, а не могу себе места найти, потому что боюсь: опять медведь встретится - испугаешься до смерти, как перепугались твои старшие сестры.

Девушка, как все девушки, хоть и была смелой, но все же боялась одна-одинешенька в поле, и поддержки никакой.

- Ты много раз паслась в этих опасных местах, миоара милая, не будет ли лучше обойти их?

- Обходи-не обходи, опасность - впереди, но ты не бойся. Как увидишь, что медведь направляется к отаре - кидайся к нему с батоном и бей по морде. Девушка очень уж хотела сдержать слово, данное отцу, приободрилась и пошла вперед, - туда, откуда обычно зверь появлялся. Вот и медведь показался, рыча, лязгая зубами, и бросился на овец и девушку. Овцы перепугались, сбились в кучу и хотели было бежать прочь. Девушка же покрутила батоном над головой, свистнула и - трах! - один раз медведя по морде, - бах! - по ребрам так, что отец почувствовал, как медвежья шкура расплзается от ударов. Отскочил он в сторону и закричал:

- Стой, дочь моя, не бей!

Девушка, услышав такое, ушам своим и глазам не поверила. Задрожала вся, а отец подошел к ней, обнял и так сказал:

- Дочь моя, ты сдержала слово, не перепугалась, как твои сестры, отныне ты будешь пасти овец, и я спокоен, - знаю, что есть кому ухаживать за ними, и никто отныне не отважится сказать, что ты не настоящий чабан. И стала она пасти овец, обошла с ними, все места вдоль и поперек. Дела шли как по маслу, и отцу было легко на сердце, и людям приятно видеть такого чабана. - Однажды повела она отару в места, более отдаленные, и там повстречался ей другой чабан с отарой. Как обычно при встрече двух чабанов, соединили они отары, один - слово, другой - второе, разговорились, и узнала девица, что этот чабан - сын бабы Котороанцы.

Так пасли они и пасли овец вместе. Да вот как-то посмотрел сын бабы Котороанцы на девушку более долгим взглядом, и ёкнуло у него сердце: понял он, что чабан этот - девица, а не парень, как можно было думать, глядя на одежду. Эта догадка, пустившая ростки в его сердце, не давала ему покоя и

грызла день и ночь, заставляя его бороться с думами, как море бьется с ветрами.

Украдкой глядел парень то на румянец щек, то на плавную походку, то на сладкие уста, а вечерами, когда пригонял он отару домой, видела Котороанца, что сын ее тяжело вздыхает и тает прямо на глазах.

- Да что с тобой, сыпок дорогой,- обратилась она к нему как-то,- что случилось? Может, несчастье какое?

- Да нет же,- говорит он.- Встретился я сегодня с одним чабаном, и показалось мне по тому, как он ходит и как ведет себя, что это девушка, но ни словом, ни главами не мог я проникнуть в тайну.

- Не кручинься, а испытай его, как я тебе сейчас посоветую, и обязательно все узнаешь. Завтра, когда встретишься с ним, поведи овец под полог леса, где будут птицы и цветы, и, если это будет юноша,- потянется к деревьям, чтоб выбрать палку для батога или ветку для свирели, а если будет девушка,- потянется она к цветам.

Сын Котороанцы ожил вмиг и решил сделать, как посоветовала мать. На другой день, распевая, влюбленный в поля и кодры, приблизился он к отаре девицы.

Но, как земля с ее богатствами отражается в спокойных и тихих водах, так думы и чувства одних исподволь передаются сердцам других, более дальновидных и осторожных. Волшебная миоара угадала мысли сына Котороанцы и все старалась найти разгадку всем козням, какие могла подстроить Котороанца девушке.

Как пришло время идти в кодры, шепнула она о своих догадках девушке, и - теперь держись! - решили они вкрутить парню мозги. Свистя и играя на свирели, дошли до леса" откуда начиналось пастбище, усеянное цветами такими прекрасными, что хватали за сердце и звали к себе, чтоб хоть понюхали их или потрогали руками. Девушка же наступала на них, будто и не видела, и все удалялась в чащу, увлекая за собой чабана,- выбрать палку для батога и ветку для свирели.

Сын Котороанцы был огорошен и терялся в догадках. Вечером пришел он домой грустный, задумчивый. Котороанца успокоила его как могла, утешила и надоумила пригласить чабана к себе, тогда уж наверняка они узнают, девушка это или юноша.

Сказано - сделано. Повел сыш Котороанцы отару и все хочет казаться чабану преданным товарищем, а к вечеру принялся, начав издалека, зазывать чабаненка к себе домой, в гости. Девушка поначалу противилась - то да се, а потом пошла. Котороанца уже ждала их. Нагрела воды заранее - будто бы помыть голову своему сыну, а сама надумала другое: заставишь чабаненка помыться, тогда она увидит, есть ли у него косы, и все станет ясно. Миоара разузнала ли что или вынюхала, а только приблизилась к девушке и шепнула, какой ей готовится подвох, Ужаснулась та и попросила у овцы совета. Миоара сказала:

- Как приготовят тебе корыто для мытья, я пройду и ненароком опрокину, его, ты же скажи, что в другой воде та станешь мыться. Как на, будет Котороанца тебя уговаривать - отказывайся.

Так и сделали. Приготовила старуха все, что полагается, и зовет чабаненка помыть голову. Неосторожная же миоара ковыляла, ковыляла вокруг корыта и - опрокинула его.

- Вот бедовая овечка, напакостила мне,- говорит Котороанца.- Да погоди, поставлю сейчас другую воду греть.

- Не суетитесь зря, я в другой воде мыться не буду,- говорит чабаненок. Увидела Котороанца, что ничего не получается, и решила другим способом выведать тайну. Как стала укладывать чабанов спать, подложила им под головы по пучку базилика и шепнула сыну:

- Ложись, дорогой мой, до утра все разужнаю. Я положила вам под головы по пучку базилика, если не увянет до утра, - значит чабаненок - парень, а если увянет, - девушка.

Улеглись чабаны, один на одном уголке подушки, вто-рой - на другом, как уложила Котороанца, а на заре, когда сон особенно сладок, миоара взяла и поменяла пучки базилика.

Утром стала Котороанца проверять пучки, а они одинаковые. Ничего не вышло из ее ворожбы и колдовства.

-Тебе показалось, сын мой,- говорит она сыну.- Этот чабан - юноша. Раз уж выяснилось все таким образом, оставил сын Котороанцы свои догадки, расстался с чабаном и стал думать о своих делах. Через некоторое время он женился, и в мире и покое потекла его жизнь. Как-то случай занес девушку-чобана к дому сына Котороанцы. Подошла она ближе и видит: горит перед домом костер, а на треножниках варится что-то в горшке. Чуть подале, у дерева, сын Котороанцы свежует ягнёнка, а в доме хлопочет молодая хозяйка. Девушка подошла ближе. В это время костер разгорелся так ярко, что из горшка стало выплескиваться варево. Хозяйка подбежала, обхватила горшок передником и хочет снимать его с огня. - Бог ты мой! - не выдержала девушка-чабан, - сколько по белому свету хожу, не видела еще хозяйку, чтобы снимала горшок передником.- И с досады бросила кушму оземь. Волосы ее рассыпались по плечам, окружили лицо золотистыми кольцами. Сын Котороанцы, как оглянулся и увидел ее, бросился к ней с распростертыми руками, чтоб обнять (а руки его были выпачканы кровью ягненка). Девушка же прокружилась вокруг себя и обернулась ласточкой. Только на том месте у шеи, где прикоснулись руки сына Котороанцы, осталась полоска цвета крови, и сохранилась она до наших дней.

Забилась ласточка и - фпрр! фпрр! фпрр! - стала подниматься в небо. Сын Котороанцы схватил ее за хвост, а она рванулась изо всех сил, и в руках у него остался только пучок перьев. Посмотрел он ласточке вслед и увидел, что хвост у нее принял форму ножниц. А ласточка все удалялась и удалялась от него, скрываясь в небе.

С тех пор у ласточек и красная шейка, и хвост ножницами, а гнездо свое они вьют под крышами домов-знак того, что ведут свой род от рода человеческого.

Когда за добро злом платят

Шел однажды человек по лесу, с работы домой возвращался. Дорога не ближняя, идет он, думу думает и вдруг видит впереди - дерево горит. Бушует пламя, объяло его снизу доверху, только веточки трещат. А на самой вершине змея предлинная корчится, извивается в огне лютом, мается и шипит что есть мочи от страшной боли. Заметила змея человека запричитала жалобно-прежалобно: - Помоги, добрый человек, спаси меня от смерти лютой. Совестно стало человеку мимо пройти, не вызволить змею из беды: и она, чай, существо живое, тоже умирать не хочет. Протянул он посох свой длинный, и змея тихонько-легонько спустилась вниз, поползла по руке человека, да негаданно-нежданно и обвилась вокруг него. Остолбенел бедняга от изумления.

Схватил было змею, крутит ее, рвет, чтоб избавиться, да не тут-то было! Змея только расвирепела да еще пуще шею сдавила, чуть не удавила.

- Тьфу, напасть,- мечется человек.- Хотел змее добро сделать, а оно против меня же злом обернулось.

- Так оно и бывает всегда. - Как это?

- Аль не знаешь ты, что за добро злом всегда платят?

- Откуда ты правило такое выкопала?

- Как это, откуда? Так уж водится, опроси хоть кого, никто не скажет тебе, чтоб за добро добром воздавали; а коль найдется хоть одно существо, которое думает иначе, сползу я с твоей шеи.

Пошел человек дальше, от горя в глазах потемнело, еле-еле дорогу видит. Идет он, идет и вдруг коня встречает.

- Здравствуй, конь.

- Здравствуй, прохожий.

- Послушай-ка, в какую беду я попал. Проходил я лесом и вот пожалел змею эту, из огня ее вытащил, а она вокруг шеи моей обвилась, и ношу я ее теперь на себе, словно крест тяжкий. Рассуди же нас, правильно ли это, что за добро злом мне платят.

- Эх, бедолага, понятна мне скорбь твоя, ведь и я едва на ногах держусь от горя-горького. В молодости кормил меня хозяин зерном отборным, поил да холил, а потом, бывало, вскочит верхом, и ношу я его по свету вдоль и поперек. Но только я состарился - погнал он меня на все четыре стороны. Нет

во мне больше нужды. Вот как бывает на свете! Горе нам, несчастным, за добро нам злом платят.

- Ну что, аль не права я? Слышишь, что конь говорит?- злорадно зашипела змея.

Пошел человек дальше, и увидал он пса старого, тощего и шелудивого.

- Здравствуй, пес!

- Здравствуй.

- Подойди-ка поближе и послушай, какое у меня горе. Вот то-то и то-то со мной приключилось.

- И поведал он псу все, как было.

- Эх, добрый человек, могу я тебе только посочувствовать, ведь и на меня несчастье большое обрушилось. В молодости служил я хозяину, и кормил он меня хорошо; ловил я ему зайцев, лисиц, волков загонял; а как постарел и обессилил, прогнал меня хозяин, и теперь слоняюсь я, как неприкаянный, и на помойках роюсь, и мослы глодаю, забыл хозяин все услуги мои. Эгей, что и говорить, за добро злом платят.

- Слышишь, человече, что все говорят?

- Слышу, как же, слышу, но давай еще кого-нибудь спросим.

Пошли они своей дорогой, шли все вперед, пока дошли До другого леса. Тут повстречался им добрый молодец, юный красавец со взором ясным, с палицей на плече и мечом на боку.

- Здравствуй, добрый молодец,- молвит человек.

- Здравствуй, горемыка.

- Послушай-ка про горести мои.

- Говори, что болит.

- Возвращался я с работы, да в лесу одном вытащил из огня-полымени эту змею подкодную, и вот обвилась она вокруг шеи моей, задушить норовит. Рассуди же нас, добрый молодец, скажи, можно ли за добро злом платить.

- Добрый человек, не могу вас рассудить, когда один на другом верхом сидит.

- Как же нам быть?

- Разойдитесь один по эту сторону дороги, другой по ту, тогда и рассужу я вас.

Змея - ни в какую. Сидит на шее человека, словно привороженная.

- Да слезь ты, змея проклятая, пусть рассудит нас добрый молодец,-закричал на нее человек.

Поползла змея вниз, направилась к обочине дороги. Тут добрый молодец засвистел что есть мочи, и вдруг как из-под земли вырос отряд витязей могучих, да стали змею топтать, избивать, на куски рубить, пока с землей не смешали.

Вот каков приговор, когда за добро злом платят.